

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА СМЕРНОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
burlana@mail.ru

ЧУДЕСА ЛЯО ЧЖАЯ В ПЕРЕВОДАХ В. М. АЛЕКСЕЕВА И ДАОССКИЕ ТРАДИЦИИ В ЭПОХУ ЦИН*

На основе изучения рассказов Пу Сунлина рассматриваются даосские традиции в эпоху Цин (1644–1911). Основное внимание уделяется даосизму и его миропониманию, а также деятельности замечательного переводчика и ученого. Переводы на русский язык, комментарии и предисловия рассказов Пу Сунлина выполнены выдающимся российским китаеведом – академиком В. М. Алексеевым. Чудеса и волшебство раскрывают важнейшие культурные ценности не только эпохи Пу Сунлина, но и раннесредневекового Китая. Высококвалифицированные переводы рассказов Ляо Чжая и комментарии В. М. Алексеева создают образ даосского монаха – это «пернатый» гость; человек Дао – обаятельный Дао человек; бессмертный волшебник; алхимик; «мыслитель, объявивший истину»; лис, обладающий сверхъестественным Дао-путем.

Ключевые слова: рассказы Пу Сунлина, переводчик-востоковед В. М. Алексеев, история Китая, империя Цин, даосизм

Переводы на русский язык рассказов Пу Сунлина [5], комментарии и предисловия выполнены выдающимся российским китаеведом – академиком Василием Михайловичем Алексеевым (1881–1951) [6]. Рассказы вошли в четыре сборника: «Лисьи чары», «Монахи-волшебники», «Странные истории», «Рассказы о людях необычайных». Переводы В. М. Алексеева открыли китайскую литературу русскому читателю. Именно он заложил основы национальной переводческой школы и явился основоположником теории художественного перевода с китайского [3]. О жизни и творчестве ученого-востоковеда писал его ученик – китаист, переводчик Лев Залманович Эйдлин [8], [9], [10].

Пу Сунлин (1640–1715) – китайский писатель, который жил в эпоху маньчжурского завоевания Китая. Пу Сунлин (по фамилии Пу, по имени Сунлин), взявший псевдоним Ляо Чжай, родился в провинции Шаньдун (Восточный Китай). «Я скромный Сун, заброшен, одинок; мерцаю, как светляк осенний...» [5; 418]. «Далее скажу: с детства я был тощ и много хворал. На долгую жизнь много рассчитывать было нечего. И в доме, тоскливо-безлюдном, я был в безотрадности, словно буддийский монах; а кистью и тушью как вол и соха, поработав, я видел, что в чашке монаха – угромо-пустые гроши. Все, что я могу делать, это вот: в эту полночь, звездами мерцающую; при свече... кабинет неуютный мой, (где) воет и свищет и стынет мой стол... Всю сдержанность презрев, я буду продолжать ту “Книгу о таинственных созданиях”» [5; 419].

Ляо из иероглифа в слово, кажется, лучше всего перевести как «пусть хоть так». В предисловии 1937 года к «Рассказам о людях необычайных» В. М. Алексеев пишет: «...оригиналь-

ное предисловие Ляо Чжая... дает мне право расшифровать самый псевдоним Ляо Чжай как “Кабинет неизбежного” (для человека, которому не везет, но который хотел бы не подчиняться року)» [1; 422].

Рассказы Пу Сунлина о чудесах помогают увидеть многообразие и различные стороны культуры цинского Китая, а также позволяют познакомиться с даосским мировоззрением. В XIV–XVI веках даосизм играл чрезвычайно важную роль в формировании религиозного синкретизма и синкретических религиозных направлений и сект, провозглашая принцип «Три религии – одна сущность» (имеются в виду конфуцианство, даосизм и буддизм). В эпоху Цин секты активно преследовались правительством [7]. Однако даосская склонность к чудесному традиционно жила в миропонимании китайцев.

Чудеса и волшебство раскрывают важнейшие культурные ценности не только эпохи Пу Сунлина, но и раннесредневекового Китая. В VII–X веках даосизму оказывал покровительство императорский двор. Династия Тан (618–907) официально объявила о своем происхождении от Лао-цзы. Особенно расцвело увлечение даосской алхимией [7]. Период правления династии Тан был временем расцвета даосизма, как и китайской культуры в целом. Говоря об истории даосизма в этот период, следует выделить несколько основных тем, наиболее существенных для раскрытия специфики функционирования даосизма в данную эпоху: распространение даосизма за пределами Китая; формирование института монашества; поддержка даосизма со стороны императорского двора; новый расцвет философского аспекта даосизма; становление традиции «внутренней алхимии» [7]. Даосы в

раннесредневековом Китае сумели стать необходимой и незаменимой частью духовной культуры страны и народа.

Содержание рассказов Ляо Чжая все время вращается в кругу «причудливого, сверхъестественного, странного». Кудесники, волхвы, прорицатели, фокусники являются в мир, чтобы, устроив мираж, показать новые стороны нашей жизни [4; 24]. Монахи вмешиваются в человеческую судьбу на правах волшебников.

В. М. Алексеев в предисловии к сборнику «Монахи-волшебники» рассказывает о монахах буддийской религии и даосской веры. «Монах – это святитель, знающий магические приемы и поэтому опасный, заслуживающий всякого почитания и не подлежащий оскорблениям. <...> Идеальная личность монаха этого толка также предполагает постижение им тайн сверхбожества, отвлеченного и непостижимого простым людям Дао, а потому и вооруженного против зол жизни, которая для него проста, как для фокусника фокус. Этот монах главным образом и есть фокусник» [5; 108].

Рассказы Ляо Чжая – «Превращения святого Чэна», «Шантаж», «Сумасшедший даос», «Хуань-нян у лютни», «Жизнь Ло Цзу», «Грызет камни», «Укрощение Цуй Мэна», «Бесовка Сяосе», «Чжэнь и его чудесный камень», «Чан Тин и ее коварный отец», «Священный правитель», а также прекрасные комментарии переводчика создают образы, которые помогают понять даосские традиции.

Даосский наряд – это желтая шапка и шуба из перьев. «Пернатые» гости – это поэтическое название даосских монахов, уподобляющее их порхающим в небе бессмертным, в которых они веруют и блаженства которых добиваются. «...Вдруг как-то неожиданно Чэн сам появился, одетый в желтую шапку и шубу из перьев, с возвышенно устремленным выражением лица – настоящий даос!» [5; 115].

Одно из литературных названий даосского монаха – Человек Дао, то есть служитель Дао, объятый Дао человек. «...Войдя в храм, он увидел какого-то человека Дао, одетого в холщовую хламиду и сидящего в пристройке, с поджатыми ногами» [5; 168].

Даосский монах – прежде всего волшебник. «Помешанный даос – не знаю ни фамилии его, ни имени – пребывал в Мэншаньском храме. Он то пел, то плакал, не проявляя постоянства, и никто не мог его разгадать. Однажды кто-то видел, как он варил себе на обед камень» [5; 166]. «...Впоследствии дровосеки из лагеря в Шися, забираясь в горы, увидели даоса, сидящего в гроте. Даос никогда не просил пищи. Это всем

казалось необыкновенным и странным» [6; 177]. «...У достопочтимого Ван Цинь-вэня из Синьчэна жил в доме слуга, которого тоже звали Ван. Он еще в молодых годах ушел в горы Лао, чтобы изучать там Дао. Прожив там долгое время, он не ел ничего, приготовленного на огне, а питался только сосновыми шишками и белыми камнями. По всему телу у него стала расти шерсть» [5; 183].

В эпоху Тан (VII–X века) даосы широко расселились по всей стране. В качестве опорных пунктов даосизма повсюду были созданы крупные монастыри, где ученые даосские маги и проповедники готовили своих последователей, знакомя их с основами теории бессмертия. Получавшие средства от императоров даосы-алхимики упорно работали над трансмутацией металлов, над обработкой минералов и продуктов органического мира, выдумывая все новые способы приготовления волшебных препаратов [2].

В рассказах Ляо Чжая даосский монах – алхимик. Баочжэнь-цзы – это прозвание даоса-алхимика, означающее «мыслитель, объявший истину». «...В те давние дни, когда я дружил и странствовал с Баочжэнь-цзы, он полюбил меня за твердость и стойкость...» [5; 228]. «Я, видишь ли, лис, обладающий сверхземным Дао-путем...» [5; 230]. «Знаешь что – наш даос – бессмертный волшебник...» [5].

«...Затем ему сказали, что там жил некий даос Чэн, большой мастер играть на лютне. Про него говорили также, будто он обладает секретом творить золото...» [5; 129]. «...Даос оставил его у себя на несколько дней и передал ему полностью все свои тайные приемы и заговоры» [5; 331]. «...Вот если у вас есть эта готовность, хотя бы в одной части на десять тысяч, то я сообщу вам один из способов устремиться от смерти!» «...Я отлично знаю, что вы не веруете. Но, видите ли, то, о чем я говорю, не имеет ничего общего со знахарством и колдовством...» [5; 185–186]. «Некий даос из храма “Обращенного к небу” любил предаваться искусству вдыханий и выдыханий» [5; 417].

Высококвалифицированные переводы рассказов Ляо Чжая и комментарии В. М. Алексеева создают образ даосского монаха – это «пернатый» гость; человек Дао – объятый Дао человек; бессмертный волшебник; алхимик; «мыслитель, объявший истину»; лис, обладающий сверхземным Дао-путем. Рассказы Пу Сунлина в переводах В. М. Алексеева расширяют наши представления о даосизме, сам ученый считал, что изучение религий Китая «является фундаментом для понимания и объяснения цивилизации и культуры этой страны» [8; 5].

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. М. Китайская фантастическая повесть // Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. Кн. 1. М.: Восточная литература, 2002. С. 415–458.
2. Васильев Л. С. История религий Востока. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 426 с.
3. Голыгина К. И. Китайская классическая литература // Изучение литератур Востока: Россия, XX в. / Под ред. А. А. Суворовой. М.: Восточная литература, 2002. С. 214–244.
4. Предисловие переводчика к сборнику «Лисьи Чары» // Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах / Пер. с кит. В. М. Алексеева. М.: Художественная литература, 1973. С. 13–27.
5. Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах / Пер. с кит. В. М. Алексеева. М.: Худож. лит., 1973. 576 с.
6. Рифтин Б. Л. Новеллы Пу Сун-лина (Ляо Чжая) в переводах В. М. Алексеева // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика / Под ред. Б. Л. Рифтина. М.: Восточная литература, 2008. С. 113–203.
7. Торчинов Е. А. Даосизм. «Дао-Дэ цзин». СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.
8. Эйдли Л. З. Василий Михайлович Алексеев и его Ляо Чжай // Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах / Пер. с кит. В. М. Алексеева. М.: Худож. лит., 1973. С. 3–9.
9. Эйдли Л. З. История китайской литературы в трудах академика В. М. Алексеева // Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. Кн. 1. М.: Восточная литература, 2002. С. 7–38.
10. Ejdlin L. Z. The Academician V. M. Alexseev as a Historian of Chinese Literature // Harvard Journal of Asian Studies. 1947. Vol. X. № 1. P. 48–59.

Smirnova N. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LIAO ZHAI STORIES ABOUT MIRACLES IN TRANSLATION BY ACADEMICIAN VASILII MIKHAILOVICH ALEXSEEV AND TAOISM DEVELOPMENT IN CHINA

The article focuses on the values of Taoism traditions. It studies translations carried out by an outstanding translator and scholar. Translations and interpretations of Pu SungLin stories about miracles are estimated as the most important intellectual investment of the scientist-orientalist V. M. Alekseev. We now turn our attention to Pu SungLin (1640–1715). It's a Chinese writer who lived in the era of the Manchus conquest of China. Stories about miracles help to understand the history of Chinese Qing dynasty (1644–1911) and acquaint us with Taoism tradition development during the Pu SungLin era. The author came to a conclusion that miracles and performed magic reveal pivotal cultural values not only of the Pu SungLin era, but also of the early Middle Ages of China. During the reign of the Tang Dynasty (618–907) when Chinese emperors protected Taoism, it was officially announced that the dynasty originated from Lao Tzu. Fascination by Taoist alchemy blossomed at the time. The pivotal moments of the stories are grounded on “bizarre, supernatural, strange” things. The monks interfere into the lives of the humans on the rights of the wizards. Pu SungLin stories in translations of V. M. Alekseev expand our idea of Taoism. To understand what Taoism is, it might be useful to read Liao Zhai stories about miracles.

Key words: Pu SungLin (Liao Zhai) short stories, translator and orientalist V. M. Alekseev, China History, Tang Dynasty (618–907), Taoism

REFERENCES

1. Alekseev V. M. Chinese fantastic story [Kitayskaya fantasticheskaya povest']. *Alekseev V. M. Trudy po kitayskoy literature: V 2 kn. Kn. 1.* Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. P. 415–458.
2. Vasil'ev L. S. *Istoriya religiy Vostoka* [History of the East religions]. Moscow, Knizhnyy dom “Universitet” Publ., 2000. 426 p.
3. Golygina K. I. Chinese classical literature [Kitayskaya klassicheskaya literatura]. *Izuchenie literatur Vostoka: Rossiya, XX v.* Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. P. 214–244.
4. Preface of the translator to the collection “Fox Chary” [Predislovie perevodchika k sborniku “Lis'i Chary”]. *Pu Sun-lin. Rasskazy Lyao Chzhaya o chudesakh.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. P. 13–27.
5. Pu Sun-lin. *Rasskazy Lyao Chzhaya o chudesakh* [The Liao Zhai stories of the miracles translated by the Chinese V. M. Alekseev]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. 576 p.
6. Rifting B. L. Pu SungLin (Liao Zhai) short stories in V. M. Alekseev's transfers. [Novelly Pu Sun-lina (Lyao Chzhaya) v perevodakh V. M. Alekseeva]. *Vostochnaya klassika v russkikh perevodakh: obzory, analiz, kritika.* Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2008. P. 113–203.
7. Torchinov E. A. *Daosizm. Dao-De tszin* [Taoism. Tao Te Jing]. St.-Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2004. 256 p.
8. Eydlin L. Z. Vasilyi Mikhaylovich Alekseev and his Lyao Zhai [Vasilyi Mikhaylovich Alekseev i ego Lyao Chzhay]. *Pu Sun-lin. Rasskazy Lyao Chzhaya o chudesakh.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. P. 3–9.
9. Eydlin L. Z. History of the Chinese literature in works of academician V. M. Alekseev. [Istoriya kitayskoy literatury v trudakh akademika V. M. Alekseeva]. *Alekseev V. M. Trudy po kitayskoy literature: V 2 kn. Kn. 1.* Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. P. 7–38.
10. Ejdlin L. Z. The Academician V. M. Alexseev as a Historian of Chinese Literature // Harvard Journal of Asian Studies. 1947. Vol. X. № 1. P. 48–59.

Поступила в редакцию 20.03.2013